

стоило сказать о поджогах нефтяных вышек в Баку в 1905 г., о затягивании нефтяных торгов на бакинские земли после 1903 г., еще о нескольких сюжетах. Но их выбор, безусловно, дело самих авторов.

Книга И. Г. Фукса и В. А. Матишева — лишь первая часть задуманного сериала,

посвященного истории развития отечественного нефтяного дела. Хочется пожелать, чтобы и следующие три тома соответствовали заявленному очень высокому уровню и поскорее порадовали своим появлением многочисленных читателей.

А. А. Иголкин

В. И. Вернадский: pro et contra. Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898–1998) / Сост. А. В. Лапо. Под общ. ред. А. Л. Яншина. Серия «Русский путь». СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. — 872 с.

Объемистая книга в зеленом переплете открывается портретом В. И. Вернадского и кратким обращением к читателям от имени редколлегии серии «Русский путь». Далее следует вступительный очерк составителя книги А. В. Лапо: «Миры Вернадского: от кристалла до ноосферы». В нем на фоне биографических сведений о Вернадском показано, как с годами расширялся круг его научных интересов. Не случайно в расцвете творческих сил он заложил основы трех или четырех новых наук, а в последние два десятилетия своего жизненного пути сформулировал ряд общепланетарных проблем человечества. На материале энциклопедий разных лет А. В. Лапо показывает, как менялась оценка научной деятельности Вернадского: в 1928 г. — минералог и кристаллограф, в 1931 г. он положил начало геохимии, в 1951 г. — становится основоположником биогеохимии; в 1971 г. — провозглашается еще и основоположником радиогеологии и учения о биосфере; в 1991 г. — признается как «автор трудов по философии естествознания, науковедению... создатель учения о биосфере и ее эволюции... о мощном воздействии на окружающую среду человека и преобразовании современной биосферы в ноосферу...» (с. 27).

Уникальный по широте подбор высказываний о В. И. Вернадском как человеке и ученом разделен в книге на три не равные по объему части. Первая озаглавлена «Феномен Вернадского» (8 публикаций). Ряд крупных ученых, включая А. Е. Ферсмана, Н. В. Тимофеева-Ресовского, Б. С. Соколова, Д. С. Лихачева, обращали внимание на две его черты — исключительные личные качества и нетипичную широту научных интересов.

Вторая часть — «Личность Вернадского», в ней три раздела. «От первого лица», — где в трех небольших подборках из автобиографических материалов о себе говорит сам В. И. Следующий раздел — «Глазами современников и потомков» — состоит из 12 очерков, представляющих цепь воспоминаний о юности, зрелости и последних годах жизни ученого. В третьем разделе — «Не наукой единой» (9 очерков) — рассматривается отношение В. И. к политической жизни, религии, философии и другим общечеловеческим проблемам. Статья В. Д. Оскоцкого «Дневник как правда» освещает отношение В. И. к событиям 1937–1939 гг. в нашей стране по его дневниковым записям. Соглашаясь со словами В. Д. Оскоцкого: «Трудная действительность вторгается в дневник “основным болевым явлением” — кошмарами террора. Редкая запись обходится без новых и новых свидетельств, которые стекаются не только из Москвы и Ленинграда, но и из Киева, Можайска... других городов, залитых кровью градов и весей» (с. 300–301).

Наконец, самая объемная, третья часть Антологии называется «Эпоха Вернадского». В ней три хронологических раздела. Первый — «Время дискуссий» (1898–1962) — раскрывает отношение научной общественности к личности и научной деятельности Вернадского в годы его жизни и в первые два десятилетия после кончины (26 очерков). В следующем разделе — «Вознесение на пьедестал» (1963–1988) — собраны высказывания о В. И. в тот период, когда интерес к его творчеству стремительно возрастал (28 очерков). Заключительный раздел — «Время осмысления» (1989–1998) — ха-

рактизует отношение к В. И. Вернадскому в последнее десятилетие, когда, с одной стороны, мы узнали о его творчестве много нового, с другой — стали более критично, без прежнего безудержного восхваления оценивать его вклад в научное знание (27 очерков).

Антология завершается кратким послесловием ее ответственного редактора А. Л. Яншина. Есть постатейный комментарий А. В. Лапо, который очень помогает при чтении книги, охватывающей большой отрезок времени и включающей гигантское число участников событий. Завершают издание именной указатель и резюме на английском языке.

А. В. Лапо, заканчивая свое вступление к рецензируемой книге, писал: «Составитель ее лишь комментировал помещенные в Антологию тексты и не ставил своей задачей давать им оценку со своих позиций. Это право принадлежит читателям» (с. 28). Я, как читатель Антологии, решил воспользоваться этим правом и... оказался в затруднительном положении: гигантский объем материалов о В. И. Вернадском, помещенный в книгу, не под силу одолеть сразу. Для этого необходимы и длительное обдумывание прочитанного, и привлечение дополнительной литературы. Поэтому настоящие заметки — лишь беглый обзор собранного в Антологии материала.

Составитель отказался от включения в Антологию материала из монографий, посвященных Вернадскому. И это правильно: с изложенным там читатель лично познакомится, взяв эти книги. Но то, что опубликованные статьи содержат вынужденные купюры, иногда нарушает общее впечатление от аргументации освещаемых проблем. А таких проблем множество.

Книга называется *pro et contra*. Сначала остановимся на *pro*. В отношении личных качеств Владимира Ивановича мнение всех писавших о нем единодушно. Предоставим слово его младшему по возрасту другу Б. Л. Личкову: «Изумительная мягкость и доброта, паразитическая теплота и внимательное отношение его к людям в обыденной жизни сочетались в нем с удивительной твердостью воли и настойчивостью в достижении поставленных целей. Удивительно простой, всегда для всех доступный, он вместе с тем

активно готов был постоянно прийти на помощь к людям. Помогал и ближнему и дальнему и притом никогда этого не подчеркивал, давал свою помощь незаметно и скрытно... Чувство зависти к другому было ему чуждо» (с. 61). И далее на той же странице: «Однако человек он был очень волевой: он никогда не шел на сделку со своими убеждениями и от этих убеждений не отказывался в вопросах морали, политики, практической жизни. Здесь терпимости и компромиссам у него не было места». Аналогичные высказывания читатель найдет и в других очерках.

Обратимся к оценке его научного творчества. Его «московский период» (с 1890 по 1911 гг.) всеми писавшими оценивается одинаково высоко. Ему предшествовала первая научная командировка В. И. за рубеж. «Из-за границы он возвращается пламенным поборником возращающихся в области теоретической кристаллографии, — пишет И. И. Шафрановский, — идей Браве, Гесселя, Гадолина, Зонке, Малляра» (с. 420). Он развивает в МГУ кристаллографическое и химическое направления в изучении минералов. «Вершины творчества В. И. Вернадского в области химии минералов, — пишет Д. П. Григорьев, — это его теория строения алюмосиликатов и работы по проблеме изоморфизма элементов в минералах» (с. 382). А. Е. Ферман отмечает его работу «Парагенезис химических элементов в земной коре» (1909 г.) и издание «его классической Геохимии, которая, по существу, определила путь этой науки во всем мире» (с. 45).

Contra по отношению к личности и творчеству В. И. Вернадского начались после октябрьского переворота 1917 г. Его собирались арестовать за участие во Временном правительстве, за принадлежность к партии конституционных демократов (с. 14). С 1922 по 1937 гг. в печати появлялись статьи (некоторые приведены в Антологии), в которых В. И. обвинялся в идеализме (с. 323, 228), витализме (с. 359), ползучем эмпиризме, «новом» религиозно-философском мировоззрении (с. 375), в том, что он ставит религию, этого злейшего врага науки, на одну доску с наукой и философией (с. 379). Не будем комментировать эти обвинения. История давно уже показала их несостоятельность. Отметим лишь, что в публикуемых в Антологии от-

рывках из дневников В. И. мы находим его позицию по отношению к нападавшим на него: «Я философский скептик, т.е. я считаю, что философия по существу не может нас привести к истине, равной по силе и общеобязательности той, которая – в своей области – достигается наукой... В логических следствиях из философского построения предмета или явления и из научного факта того же предмета или явления – мы нередко приходим к противоречиям» (из дневника 9.06.1931 г.). Кроме того, В. И. неоднократно подчеркивал, что официальная философия колоссально отстала от уровня современного естествознания: «Еще раз пересмотрел “Диалектику природы” Энгельса. Остается прежнее впечатление: черновые тетради *alterlimlich*. Есть кое-что интересное, — но в общем в XX веке класть в основу мышления, особенно научного, такую “книгу” — совершенное сумасшествие» (из дневника 25.03.1938 г.). Собственно, это вынуждены были признать и нападавшие на него. А. А. Максимов в конце своей критической статьи пишет: «Но как бы ни был не прав акад. Вернадский в его оценке положения философии в СССР, мы должны открыто признать, что налицо отставание работы философов-марксистов от успехов современного естествознания. Такое положение отрицательно влияет и на развитие науки, и на развитие философии» (с. 380).

Научные концепции В. И. вплоть до его смерти, судя по Антологии, критике не подвергались. Начало положил его ученик Н. Г. Холодный, опубликовавший в 1945 г. ответную статью на публикацию В. И. «О значении почвенной атмосферы и ее биологической структуры» (1944). Это желание оспорить очевидный факт, защищаемый В. И. более 20 лет, — что эволюция неорганического мира (косной материи) и живого вещества развиваются, подчиняясь разным законам. Удручающее впечатление оставляет попытка в 1957 г. А. И. Опарина (с. 428–431) обвинить Вернадского в «материалистичном дуализме» за то, что В. И. в своей концепции о происхождении жизни, сформулированной еще в 1931 г., поставил во главу угла проблему возникновения диссимметрии (хиральности, как мы сейчас говорим) в живых организмах. Сам А. И. Опарин это кардиналь-

ное различие косной и живой материи не объяснял.

Тысячу раз был прав И. М. Забелин, когда написал: «И сам Вернадский, и авторы ряда предисловий к его сочинениям недвусмысленно предупреждают читателей, что понять Вернадского трудно, и, наоборот, легко его неправильно понять» (с. 472). Такое неправильное понимание мыслей В. И. произошло и в отношении его тезиса «жизнь геологически вечна». Этой фразой Вернадский хотел подчеркнуть тот эмпирически наблюдаемый факт, что все отложения, включая самые древние архейские, образовались с участием биосферы, что в процессе эволюции Земли самозарождения не было, что жизнь на Земле вечна. Но он же вслед за Пастером сформулировал и основное условие, необходимое для появления жизни, — предварительное возникновение диссимметрии в косном веществе. Именно этим и отличается его концепция от построений А. И. Опарина. Антология показывает, что среди ее авторов были и те, кто правильно понял выражение «жизнь геологически вечна», и те, кто стремился приписать В. И. мысли о панспермии в духе Аррениуса.

Но больше всего разногласий и больше всего *pro et contra* в отношении высказываний В. И. о переходе биосферы в ноосферу. Рассмотреть все позиции в ограниченной объеме рецензии невозможно. Приведем лишь несколько высказываний. И. И. Мочалов (1981): «В понимании Вернадского ноосфера глубоко диалектична по своей сути — она не есть ни только природное, ни только социальное явление, а представляет собой синтез природного и социального, истории природы и истории общества. Возникновение ноосферы вовсе не означает отмену природы, т. е. биосферы. Оно означает лишь, что в биосфере решающим фактором ее сохранения, преобразования и развития становится человечество» (с. 470). Н. Н. Моисеев (1989): «...утверждение о неизбежности перехода биосферы в ноосферу мне представляется неправомочным. Он не может произойти автоматически, человечество должно оказаться способным его осуществить. Он выдвигает, в частности, множество проблем перед науками об обществе, ставит на повестку дня вопросы морали, этики, под-

нимает проблему нравственного императива» (с. 609). Р. К. Баландин (1988): «Незадолго до конца второй мировой войны (и до своей смерти) Вернадский смело и радостно утверждал: “Мы входим в ноосферу”. С той поры факты убеждают меня в том, что мы... отходим от ноосферы, самым неразумным образом отравляя и разрушая природную среду, которая нас создала и частью которой мы являемся» (с. 592). В. А. Кутырев (1990): «Думается, что учение о ноосфере с самого начала несло в себе элементы утопии, что в нем переплетались ценностные и бытийные подходы, что ценностные характеристики ноогенеза были однозначно положительными, а это противоречит диалектике жизни» (с. 627). Ф. Т. Яншина: «Ошибка Кутырева и ряда других авторов заключается в том, что они недостаточно внимательно читали труды Вернадского и называли утопией не ноосферу в понимании этого ученого, а ноосферу некоторых философских словарей, в которых она рассматривается как синоним светлого коммунистического будущего» (с. 638). «Можно смело говорить о том, что учение академика Вернадского о переходе биосферы в ноосферу является не утопией, а действительной стратегией выживания и достижения разумного будущего для всего человечества» (с. 644).

Антология интересна и тем, что в ней можно прочитать о том, как «подправляется» роль Вернадского в науке. С одной стороны, приведены высказывания американского микробиолога Л. Маргулиса и др., подчеркивающие приоритет Вернадского в разработке концепции о биосфере (с. 757–760). С другой — резонное замечание Р. К. Баландина, что В. И. нельзя считать создателем радиогеологии: он лишь последователь английского физика Джона Джоли, давшего первую сводку по радиогеологии. Об этом писал сам В. И.: «Мне Джоли тогда открыл глаза, и в 1910 г. я выступил на заседании Академии наук...» (с. 594).

Приведенные в книге материалы вызывают переосмыслить причины, задержавшие «вливание» идей Вернадского в научную и общественную жизнь XX столетия. Распространено мнение, что задержка с публикацией основополагающих работ В. И. вызвана запретами партийной цензуры. Однако помещенные в Антологии выдержки из статьи В. С. Неаполитанской, готовившей труды В. И. к публикации, рисуют иную картину: препятствовал его ученик и «наследник» академик А. П. Виноградов. Он как фактический руководитель комиссии АН СССР по творческому наследию В. И. выступил против полного издания работ Вернадского, на протяжении более 30 лет откладывал публикацию самых значительных его трудов. Задержал публикацию рукописи «Научная мысль как планетарное явление», сославшись на то, что нет денег на ее перепечатку (с. 213). Относительно рукописи «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», которую В. И. считал главной книгой своей жизни, А. П. Виноградов заявил: «В книге нет ничего интересного», и... отказался включить ее в план изданий института (там же). Не помогло вмешательство Б. Л. Личкова, академиков А. Н. Несмеянова, В. Г. Фесенкова, Д. И. Щербакова и др. Несмотря на их заступничество, рукопись была отклонена на заседании РИСО по формальной причине и вышла только в 1965 г. с десятилетней задержкой (с. 214).

Таковы лишь первые впечатления о прочитанной книге. К ней будет обращаться всякий, кто заинтересуется широким кругом научных проблем, которым посвятил свою жизнь Вернадский. Антология завершает определенный этап в освещении творчества замечательного ученого и одновременно открывает новый, высвечивая необходимость более тщательного прочтения трудов ученого с тем, чтобы объективно оценивать его роль в развитии многих наук и не приписывать ему то, чего он не делал и не говорил.

И. А. Резанов